

ГЛАВА 1

Мяч, который решит исход чемпионата, медленно движется к корзине.

Меня это не кольшет.

Остальная публика на стадионе «Лукас ойл» в Индианаполисе следит за мячом, разинув рты.

Я не слежу.

Я смотрю через поле. На него.

Разумеется, я сижу в первом ряду, вблизи от центральной линии. Справа от меня знаменитость: актер, играющий Супергероя в фильмах компании «Марвел». Он в черной, до жути облегающей футболке, позволяющей демонстрировать бицепсы. Место слева занимает звезда рэпа Понтовый Папаша, чей частный реактивный самолет я купил три года назад. Его глаза скрыты под солнцезащитными очками собственного бренда. Мне нравится Шелдон (так на самом деле зовут Понтового Папашу): и он сам, и его музыка, но сегодня он сильно переигрывает с ликованием, переходит черту, за которой начинается лесть. От его энтузиазма меня бросает в дрожь.

Теперь о том, во что одет я. На мне голубой костюм в тонкую полоску, сшитый в ателье на Сэвил-роу, бедфордширские туфли бордового цвета, сделанные на заказ Бэзиллом, лучшим сапожником лондонской обув-

ной фирмы «Дж. Дж. Клеверли». Добавьте к этому шелковый розово-зеленый галстук от Лилли Пулиццер (ограниченная серия); платочек от «Эрме» выглядит из нагрудного кармана точно на нужную длину.

Словом, на прикиде я не экономлю.

Для тех, кто не уловил подтекста, добавляю: я богат.

Мяч, путешествующий по воздуху, решит исход «Мартовского безумия», как называют баскетбольный чемпионат среди мужских команд колледжей. Странная штука, если задуматься. Вся эта кровь, пот и слезы, все эти выработки стратегии, поиск талантов и их подготовка, нескончаемые броски в одиночку где-нибудь в проезде у дома, упражнения на обводку противника, последовательные передачи... Добавьте к этому силовую тренировку с отягощениями, пробежки с рывками, пока не свалитесь с ног, годы, проведенные в затхлых спортзалах на всех уровнях, начиная с соревнований в старшей школе, турниров по мини-баскетболу, звездных гастрольных туров по линии Организации католической молодежи, турниров Ассоциации американских университетов... думаю, вы уловили мысль. И все это ради обыкновенного оранжевого мяча, который, подчиняясь законам элементарной физики, сейчас летит, вращаясь, к жерлу корзины.

Если мяч не попадет в корзину, выиграет команда Дьюкского университета. Если попадет — команда Университета штата Южная Дакота, и тогда их ошалевшие от радости фанаты повалят на поле. Супергерой «Марвела» (я об актере, сидящем справа) учился в этом университете. А Понтовый Папаша и ваш покорный слуга грызли гранит науки в Дьюкском. Оба моих соседа напряглись. Буйная толпа притихла. Время замедлило бег.

Вроде бы я должен болеть за игроков своей альма-матер, но исход меня не волнует. Я вообще не принадлежу к каким-либо фанатам. Мне всегда было наплевать, кто победит в состязании, если я или кто-то из моих близких в нем не участвует. Но почему других это так волнует? Я часто задаю себе этот вопрос.

Пока все замерли, я, не теряя времени, внимательно наблюдаю за ним.

Его зовут Тедди Лайонс. Он один из избыточного числа помощников тренера команды Южной Дакоты. Роста в нем шесть футов и восемь дюймов. Мускулистый недотепа, выросший где-нибудь на ферме. Большому Т. — он любит, когда его так называют, — тридцать три года. Нынешнее место работы — четвертое в его послужном тренерском списке. Насколько я знаю, он неплохо владеет тактикой, но лучше всего ему удается поиск талантливых парней.

Над стадионом звучит сигнал. Время матча истекло, хотя результат чемпионата по-прежнему под большим вопросом.

Установилась такая тишина, что слышно, как мяч ударяет в обод корзины.

Понтовый Папаша хватает меня за ногу. Мистер Супергерой «Марвела» протягивает руки, предвкушая победу и задевая трицепсом мне грудь. Мяч ударяет в обод корзины, потом еще раз и еще. Кажется, этот неодушевленный предмет дразнит толпу, прежде чем решить, кому остаться в живых, а кому умереть.

Я по-прежнему слежу за Большим Т.

Когда мяч скатывается с обода и падает на поле — что называется, промазал так промазал, — секция, где обосновались фанаты Дьюка, взрывается радостными воплями. Периферийным зрением вижу сникших бо-

лельщиков Университета Южной Дакоты. Не люблю словечко «удрученный» — странное оно какое-то, — но сейчас оно к месту. Болельщики сникли, сдулись и сильно удручены. Кое-кто даже рухнул со скамеек. У кого-то на глазах слезы. Поражение их команды стало реальностью.

А вот Большой Т. совсем не удручен.

Супергерой «Марвела» прячет свое обаятельное лицо в ладонях. Понтовый Папаша лезет ко мне обниматься.

— Вин, мы выиграли! — орет он и тут же добавляет: — Правильнее сказать, мы выигрываем, Вин¹.

Я хмуро смотрю на него. Моя мрачность подсказывает Папаше, что я ожидал большего.

— Да, ты прав, — вздыхает он; из-за оглушающего гвалта на поле я едва его слышу, и он наклоняется ко мне. — Ох и поспразднуем же мы сегодня!

Понтовый Папаша выбегает на поле и вливается в неистовую толпу. Туда же спешат и другие зрители, опьяненные победой. Вскоре Папаша исчезает среди ликующих фанатов. Кто-то хлопает меня по плечу, приглашая пойти с ними. Но я сижу не шелохнувшись.

Снова смотрю в сторону скамейки, где сидел Тедди Лайонс, но он исчез.

Ничего, скоро появится.

Через пару часов я снова вижу Тедди Лайонса. Он неспешно движется в мою сторону.

И вот тут передо мной возникает дилемма.

¹ Непереводаемая игра слов. Имя Win и глагол win (выиграть, победить) пишутся одинаково. — *Здесь и далее примеч. перев.*

Я намереваюсь, как говорится, сделать больно Большому Т. Без этого никак. По-прежнему не знаю, насколько это будет больно, но ущерб его физическому здоровью я нанесу значительный.

Это уже не моя дилемма.

Моя дилемма — как это сделать.

Нет, я не боюсь, что меня схватят. Эта часть операции была спланирована. Большой Т. получил приглашение на вечеринку Понтового Папаши. И сейчас он идет, как ему кажется, ко входу для ВИП-персон. Но это не так. Вечеринка происходит совсем в другом месте. Оглушительная музыка, доносящаяся из коридора, — просто маскировка.

Большой Т. идет на склад, где, кроме него и меня, — никого.

Я в перчатках. И при оружии, что делаю всегда, хотя оно мне не понадобится.

Большой Т. приближается, а потому я возвращаюсь к своей дилемме: ударить без предупреждения или, что называется, дать ему шанс?

Речь вовсе не о нравственности, честной игре и прочем в том же духе. Мне абсолютно все равно, какие понятия яркие человечество клеит на те или иные поступки. Я успел побывать во многих передрягах. Когда влезает в драчку, правила быстро испаряются. Кусайся, лягайся, бросайся песком, используй все, что сгодится в качестве оружия. Настоящие сражения ведутся ради выживания. Там нет призов и похвал за спортивное поведение. Там есть победитель и есть проигравший. Вот и все. А мухлюешь ты или нет, никого не волнует.

Короче говоря, у меня нет угрызений совести. За-стать этого одиозного типа врасплох и попросту вло-

мать ему. Если снова вспомнить просторечье, я не боюсь применить грязный прием. По сути, я так и собирался сделать: застать его врасплох. Ударить битой, ножом или рукояткой пистолета. И дело с концом.

Тогда почему план вдруг становится дилеммой?

Потому что мне недостаточно переломать ему кости. Я хочу сломить его дух. Если такой кусок мяса, как Большой Т., проиграет во вроде бы честном поединке со щуплым «старичком» типа меня (я действительно старше его, гораздо худощавее и симпатичнее, о чем говорю без ложной скромности) — словом, если он потерпит поражение от такого явного «хилака», как я, к физической боли добавится боль унижения.

Вот чего я хочу для Большого Т.

Он уже в нескольких шагах от меня. Я принимаю решение и выхожу навстречу, преграждая ему путь. Большой Т. останавливается и хмурится. Несколько секунд он смотрит на меня. Я улыбаюсь ему. Он тоже улыбается.

— Я вас знаю, — говорит он.

— Да неужели?

— Вы были сегодня на матче. Сидели в первом ряду.

— Грешен, — отвечаю я. — Сидел.

Он протягивает мне свою мясистую лапу:

— Тедди Лайонс. Все зовут меня Большим Т.

Я не пожимаю его руку. Смотрю на нее так, словно это выпяченная собачья задница. Большой Т. на секунду замирает, после чего опускает руку и делается похожим на мальчугана, которого обидели и который ждет утешения.

Я снова улыбаюсь ему. Он откашливается.

— С вашего позволения... — начинает он.

— Не позволяю.

— Что?

— Тедди, ты туговато соображаешь? — со вздохом спрашиваю я. — Я тебе не позволяю. Нет для тебя позволения. Теперь врубаешься?

Он вновь начинает хмуриться.

— У вас проблема? — спрашивает он.

— Хм... А какой бы ответ ты выбрал?

— Не понял.

Я мог бы сказать что-нибудь вроде: «Нет, это у ТЕБЯ проблема». Или: «У меня? Да ни за что на свете». Но я не люблю банальное остроумие.

На физиономии Большого Т. появляется замешательство. С одной стороны, ему хочется попросту отпихнуть меня, но с другой — он помнит, что я сидел в ложе для знаменитостей, а значит, могу оказаться важной шишкой.

— Послушайте, — наконец говорит Большой Т., — я иду на вечеринку.

— Никуда ты не идешь.

— Это как понимать?

— Нет здесь никакой вечеринки.

— Что значит нет никакой вечеринки?

— Она в двух кварталах отсюда.

Он упирает свои мясистые руки в боки. Поза тренера.

— А это что за место?

— Я велел дать тебе неверный адрес. Смущает музыка? Это для маскировки. Охранник, который пропустил тебя на входе якобы для ВИП-персон? Он работает на меня и ушел сразу же, едва за тобой закрылась дверь.

Большой Т. дважды моргает, затем подходит ко мне. Я не отступаю ни на дюйм.

— Что происходит? — спрашивает он.

— А то, Тедди, что я собираюсь начистить тебе задницу.

Теперь он улыбается во весь рот.

— Ты? — спрашивает он, забыв про учтивость.

Его грудь шириной почти с фасадную стенку поля для сквоша. Тедди подходит ко мне вплотную, нависает надо мной и смотрит с уверенностью большого, сильного мужика, с которым, по причине его габаритов, никто не лез в драку и даже не решался задеть. Это и есть ключевой, но совершенно дилетантский маневр Большого Т.: морально давить противников своей массой и смотреть, как они сдуваются.

Разумеется, я сдуваться не собираюсь. Я вытягиваю шею и смотрю ему прямо в глаза. И теперь, впервые за все время нашей короткой встречи, вижу, как на его лице появляется тень сомнения.

Я не мешкаю.

Попытка испугать меня подобным образом была ошибкой. Она облегчила и упростила мой первый удар. Я складываю пальцы правой руки вместе напоподобие наконечника стрелы и бью ему по горлу. Оттуда доносится булькающий звук. Одновременно ногой вламываю по правому колену. Из собранных данных мне известно, что он дважды перенес операцию на передней крестообразной связке.

Слышится хруст.

Большой Т. падает, как подрубленный дуб.

Я поднимаю ногу и сильно ударяю его каблуком.

Он вскрикивает.

Я снова бью. Он снова вскрикивает.

Наношу третий удар. Молчание.

Избавлю вас от остальных подробностей.

Через двадцать минут я появляюсь на вечеринке Понтового Папаша. Охранник проводит меня в заднее помещение, куда допускаются люди только трех типов: хорошенькие женщины, известные личности и толстые кошельки.

Мы празднуем напропалую до пяти часов утра. Затем черный лимузин отвозит Папашу и вашего покорного слугу в аэропорт. Частный реактивный самолет уже запровлен и ждет.

Понтовый Папаша дрыхнет весь обратный перелет до Нью-Йорка. Я принимаю душ — не удивляйтесь, в моем самолете есть душ — и переодеваюсь в серый в елочку деловой костюм фирмы «Китон», которых производят не более пятидесяти в год.

Мы приземляемся. Нас уже ждут два лимузина. Папаша устраивает сеанс затяжных рукопожатий и объятий. Такая у него манера прощаться. Наконец лимузин увозит его в Алпайн, где у него поместье. Я сажусь в другой и еду к себе в офис на Парк-авеню. Сорокавосьмиэтажное здание Лок-Хорн-билдинг принадлежит нашей семье со времени его постройки в 1967 году.

Прежде чем подняться в свой кабинет, я останавливаю лифт на четвертом этаже. В здешних офисах долгое время помещалось спортивное агентство, возглавляемое моим близким другом. Но несколько лет назад он закрыл свой бизнес. Помещения долго пустовали, поскольку во мне продолжала теплиться надежда. Я был уверен, что мой друг передумает и вернется.

Он не вернулся. И у нас появились новые арендаторы. Это Фишер и Фридман, чья контора имеет длинное название: «Юридическая фирма по защите

прав жертв». На их веб-сайте — познакомившись с ним, я и предоставил им помещение, — дана более конкретная информация:

Мы поможем вам въехать по яйцам всем абьюзерам,
маниакальным поклонникам,
двуногим козлам, троллям,
извращенцам и психопатам.

Неотразимо. Я стал пассивным партнером-инвестором этой фирмы, как когда-то был таковым у спортивного агентства.

Стучусь в дверь.

— Входите, — слышится голос Сейди Фишер.

Приоткрываю дверь и просовываю голову:

— Заняты?

— У социопатов сезон обострения, — отвечает Сейди, не поднимая головы от монитора. — Жертв прибавилось.

Она, конечно же, права. Потому я и вложился в их фирму. Мне импонирует их работа по защите жертв домогательств и избиений, но одновременно я вижу, как растет число общественно опасных мужчин, которым сперма ударяет в голову.

— Я думала, вы отправились в Индианаполис на матч, — говорит она, наконец отрываясь от экрана.

— Я там побывал.

— Ах да, у вас частный самолет. Иногда я забываю, насколько вы богаты.

— Неправда. Не забываете.

— Верно. Итак, что случилось?

Модные очки и розовый брючный костюм, облегающий, с глубоким вырезом, делают ее похожей на темпераментную библиотечаршу. Мне она объясняла, что одевается так намеренно.

Когда Сейди только начала представлять в судах интересы женщин, подвергшихся сексуальному домогательству и насилию, ей было настоятельно рекомендовано одеваться консервативно, выбирая унылую, бесформенную одежду. Это придавало «невинности» ее облику. Но Сейди понимала, что такие наряды лишь усиливали чувство вины у ее подзащитных.

И что она сделала? Прямо противоположное.

Я не знаю, как начать разговор, и потому говорю:

— Слышал, одна ваша клиентка попала в больницу. — (Это привлекает внимание Сейди.) — Как вы думаете, уместно ли послать ей что-нибудь?

— Что, Вин?

— Цветы, шоколадные конфеты...

— Она находится в палате интенсивной терапии.

— Тогда, может, мягкую игрушку. Воздушные шары.

— Шары?

— Просто какой-нибудь знак внимания от нас.

Сейди вновь поворачивается к монитору:

— Наша клиентка жаждет единственного, чего мы вряд ли сможем ей дать: справедливости.

Я открываю рот, собираюсь ответить, но решаю промолчать, выбирая мудрость и осмотрительность вместо бравады и стандартных слов утешения. Уже собираюсь выйти, я вдруг замечаю в приемной двоих — мужчину и женщину. Оба устремляются ко мне.

— Виндзор Хорн Локвуд? — спрашивает женщина.

Прежде чем они успевают предъявить свои жетоны, я догадываюсь: это люди из правоохранительных органов.

Сейди тоже догадалась. Она мгновенно поднимается с места и подходит ко мне. У меня чертова куча адвокатов, но их услугами я, естественно, пользуюсь в деловых целях. В личных делах мне всегда помогал

упомянутый спортивный агент, он же юрист. Я ему всецело доверял. Но теперь, когда наши пути разошлись, Сейди инстинктивно взяла его роль на себя.

— Виндзор Хорн Локвуд? — вновь спрашивает женщина.

Это мое имя. Если быть точным, мое полное имя звучит так: Виндзор Хорн Локвуд III. По имени видно, что я принадлежу к династии тех, кого называют «старые деньги». Я и выгляжу соответственно: румяное лицо, светлые с проседью волосы, тонкие патрицианские черты и величественная осанка. Я не скрываю, кем являюсь. Да и с чего бы мне скрывать?

«Неужели я вляпался с Большим Т.?» — проносится у меня в голове. Я опытен в подобных делах. Даже очень опытен. Но и мне свойственно допускать ошибки.

Сейди уже почти рядом со мной. Я жду, даю ей возможность задать свой вопрос:

— А кто им интересуется?

— Спецагент ФБР Карен Янг, — представляется женщина.

Янг — чернокожая. На ней облегающая кожаная куртка коньячного цвета. Под курткой — темно-синяя рубашка, застегнутая на все пуговицы. Слишком уж модный прикид для спецагента.

— А это — мой партнер, спецагент Хорхе Лопес.

Лопес одет более традиционно. Костюм цвета мокрого асфальта, унылый красно-коричневый галстук.

Оба предъявляют нам жетоны.

— Чем вызван ваш приход? — спрашивает Сейди.

— Мы хотели бы поговорить с мистером Локвудом.

— Это я поняла, — с долей язвительности произносит Сейди. — О чем?

Янг улыбается и прячет жетон в карман:

— Об убийстве.

ГЛАВА 2

Мы заходим в тупик. Янг и Лопес намерены меня куда-то увезти, причем без объяснений.

Сейди категорически против. Наконец я вмешиваюсь, и мы приходим к некоему соглашению. Я поеду с ними, но меня не будут ни допрашивать, ни даже расспрашивать без присутствия адвоката.

Сейди, которая куда мудрее своих тридцати лет, это не нравится. Она отводит меня в сторону и говорит:

— Они так и так будут вас расспрашивать.

— Знаю. Это не первое мое столкновение с властями.

Не второе, не третье и... но Сейди подобное не касается. Я не собираюсь упираться, но и ее «адвокатская поддержка» мне не нужна. На это у меня три причины. Во-первых, Сейди должна ехать в суд, и мне неловко ее задерживать. Во-вторых, если дело касается Тедди Лайонса — Большого Т., — Сейди незачем об этом знать, особенно прямо сейчас. И в-третьих, это убийство вызывает у меня любопытство. Я чувствую себя на редкость уверенным. Попробуйте привлечь меня к ответу.

Я покидаю офис и сажусь с ними в машину. Мы едем в северном направлении. Машину ведет Лопес.

Янг сидит рядом с ним. Я устроился на заднем сиденье. Странно, но я почти физически ощущаю беспокойство обоих. Оба пытаются вести себя профессионально, и это им удается, но под слоем профессионализма я ощущаю некое подводное течение. Убийство явно не из категории обычных. Есть в нем какая-то закавыка. Спецагенты пытаются это скрыть, но их волнение действует как феромон, и мой нос улавливает соответствующий «запах».

Обработку меня Лопес и Янг начинают с традиционной молчанки. Теоретически это очень простой прием: большинство людей не выносят молчания и любым способом пытаются его нарушить, порой говоря такое, что потом может быть поставлено им в вину.

И теперь парочка спецагентов пробует эту тактику на мне. Чувствую себя почти оскорбленным.

Разумеется, я не поддаюсь на их уловку. Разваливаюсь на сиденье, сцепляю пальцы и смотрю в окно машины, словно турист, впервые приехавший в этот большой дрянной город.

— Мы знаем, кто вы, — наконец произносит Янг.

Я сую руку в карман пиджака и нажимаю кнопку на мобильном телефоне. Теперь наш разговор записывается, и запись пойдет напрямик в облачное хранилище на случай, если мои новые друзья из ФБР обнаружат, что я вел запись, и предпочтут ее стереть или сломать мобильник.

Я всегда готов к неожиданностям.

Янг поворачивается ко мне:

— Я сказала, что мы знаем, кто вы. — (Я продолжаю молчать.) — В свое время вы работали на ФБР.

Итак, они знают о моих связях с Федеральным бюро расследований. Это меня удивляет, хотя я и не по-

казываю своего удивления. Я действительно работал на ФБР сразу после окончания Дьюкского университета, однако моя работа была строго засекречена. Кто-то им рассказал, причем кто-то наверху. Еще одно доказательство, что убийство не из обычных.

— Слышали о вашей успешной работе, — говорит Лопес, встретившись со мной взглядом в зеркале заднего вида.

Быстро же они перешли от игры в молчанку к лести. Я по-прежнему не говорю ни слова.

Мы едем по Сентрал-Парк-Вест — улице, на которой я живу. Вероятность того, что убийство как-то связано с Большим Т., значительно уменьшается. Во-первых, я знаю, что Большой Т. жив, хотя и не сказать, чтобы невредим. Во-вторых, если бы федералы хотели допросить меня по инциденту с ним, мы бы отправились на юг, в их штаб-квартиру на Федерал-плаза, 26. Но мы едем в противоположном направлении, приближаясь к «Дакоте», фешенебельному жилому дому на углу Сентрал-Парк-Вест и Семьдесят второй улицы.

Принимаю это к сведению. Сейчас я живу один, значит жертва не из числа дорогих мне людей. Возможно, суд выдал ордер на обыск моей квартиры и нашел какой-то компромат, который они собираются использовать против меня. Но это тоже маловероятно. Один из швейцаров «Дакоты» сразу бы сообщил мне о вторжении. И потом, сработала бы скрытая сигнализация и мне на мобильник поступил бы сигнал. К тому же я не отличаюсь беспечностью и не держу у себя дома ничего такого, что могло бы навлечь подозрение властей.